

Александр ЮРЧЕНКО

Один день из жизни Андрея Рублёва

ЭТЮД В СВЕТЛО-ЛАЗОРЕВЫХ ТОНАХ

Он кашлял хрипло, сухо, с надрывом... Хрип поднимался откуда-то изнутри, неосторожно тревожа внутренности, потом, вылетев из расклеванной гортани, ударялся о толстую монастырскую стену, срикошетив, бился настойчиво в слюдяное окно, как будто давая знак, что хочет улететь навсегда.

Даниил прислонился к стене, прислушался... Казалось, что в келье Андрея кто-то старательно рубит дрова...

Вот с треском раскалывается сучковатое морщинистое полено, обнажая волокнистую сердцевину, пахнущую свежавыструганными досками и ещё чем-то необычным, свойственным запаху недавно отстроенного здания.

Вот топор, наталкиваясь на сучок, звонко отскакивает в сторону.

"Осторожно, так можно поранить ногу!"

Даниил вскакивает и беспомощно разводит руками. В Андрониковом монастыре им было покойнее... И Андрей болел меньше. Хотя тоже работал немало. Здесь же, в Троице-Сергиевом, замыкается в себе, красок в руки не берёт, из кельи почти не выходит. Только кутается от монастырского холода, кричат по-стариковски да бормочет что-то, поминая Куликово поле да победу над духом.

Гулкий кашель снова раздаётся из кельи друга. Даниил вздрагивает.

— Эх, не дотянет, — шепчет, прислоняя ухо к стене. Потом приоткрывает дверь и зовёт тихо:

— Андрей! Андрей!

Тщетно... Андрей спит, безмятежно раскинувшись на полатах, как будто и не было этого страшного кашля.

Сон, казалось, длился вечно, и можно было подумать, что приносит он сновидцу неимоверные страдания, но улыбка на измученном лице говорила об обратном.

...Андрей не знал, утро это или вечер, только вышли из белесой дымки три фигуры и двинулись в сторону монастыря. Он взял в руки сучковатую палку и стал в раздумии чертить ею, повторяя на песке движения птицы, летавших большими кругами над трапезной. Братья-чернецы только что откушали и разошлись по кельям для исполнения молитвы. Рядом, на траве, сидел румяный отрок Матвейка, сын монастырского кузнеца Гаврилы.

Солнце припекало. Осенний блеклый холм на его глазах неожиданно зазеленел сочной, изумрудной травой.

Андрей рукавом вытер пот со лба, высыпал Матвейке лукошко монастырских яблок,

таких же краснощёких, взял в руки кисть и стал писать с отрока икону. Временами он с тревогой вглядывался в три фигуры, медленно приближавшиеся с солнечной стороны. Их присутствие — непонятно, почему — волновало его.

Внезапно путники оказались рядом. Шедший впереди был, по-видимому, старший. Строгого вида, одетый в дорожные багряные одежды и лазоревую плащаницу, ниспадавшую с левого плеча, он оперался на тонкий, почти невидимый глазу посох, настолько длинный, что, казалось, конец его упирается в небо.

— А не водит ли юноша за сей посох невидимая мне десница? — подумалось Андрею. Он подивился красоте плащаницы — её чистому лазоревому цвету, который почти не встречается в живой природе: таким бывает только небо после летнего грозового дождя.

Следом за юношей в лазоревой плащанице следовал путник, одетый в голубую одежду и розовую накидку. Лицо его в обрамлении золотистых волос было полно кротости и смирения.

Замыкал троицу юноша угрюмого вида с таким же, как и у остальных, тонким посохом в руке.

Андрей отбросил кисть в сторону, но путники успели уловить её последнее движение.

— Что же ты делаешь, богохульник?! — воскликнул первый вместо приветствия. — Кто позволил тебе живописать мирянина?

— Это не мирянин, это образ, — спокойно ответил Андрей.

Матвейка тем временем исчез. Склон холма снова потускнел. Только рассыпавшиеся на пожухлой траве яблоки напоминали о недавнем присутствии отрока.

— Куда путь держите, странники? — Андрей задал вопрос, скорее, из вежливости, чем из любопытства, но это, как ни странно, смягчило карающий гнев неожиданных пришлецов.

— Скажи, старец, не Троицкий ли монастырь перед нами? — спросил первый юноша, сделав вид, что не расслышал вопрос.

— Он самый.

— Не его ли разорил басурманин Едигей в прошлом лете?

— Его, мил человек, — Андрей тяжело вздохнул. — Отец Никон уж двадцатый год как отстраивает его заново.

— А если снова басурманин придёт и всё разорит? — вступил в разговор юноша угрюмого вида. — Что будете делать?

— Все горой встанем, — ответил Андрей. — Терпению народа предела нет, но, ко-

ли придётся, за веру нашу постоим. Сколько бы ни терзала нас нечисть всякая, всё равно встанем.

Путники переглянулись. Старший из них кивнул, и в беседу вступил второй странник.

— Знали мы некогда чернеца Андрея по прозвищу Рублёв. Под началом Сергия Радонежского провёл он в этом монастыре молодые годы.

— Как найти нам его? — разом выдохнула троица.

Пот выступил на лбу чернеца.

— Он перед вами, — прошептал Рублёв, убирая с чела прядь седых непослушных волос, как бы защищаясь этим движением от нежданных гостей.

— Не бойся нас, старец, — молвил старший. — Не за тобой пришли мы в сию обитель, а к тебе. Чтобы силы дать закончить благое дело. За тобой мы после придём. Зовёт тебя отец Сергий на небо, но прежде исполни волю его — распиши стены храма монастырского так, как доселе никто не распишивал — ни Феофан Грек, ни иные константинопольские мастера.

Путники поклонились низко, и он увидел, как покачиваются белые крылья у них за спиной.

Андрей упал на колени.

— Дай силы, Господи! Только дай силы! — поднял глаза.

Три большие стрекозы сидели на тонком вересковом стебельке, выпуклыми стеклянными глазами изучающе уставившись на него. Потом взмахнули прозрачными крыльшками и растворились в небесной лазури.

— Андрей, Андрей, очнись! — рядом стоял Даниил, теребя друга за плечо. — Ты так кричал во сне... Я решил пробудить тебя.

Андрей вскочил с постели.

— Я видел цвет, — вскричал он взволнованно. — Я видел чистый лазоревый цвет!

— А ещё что? Ты так кричал во сне.

— Не помню, ничего не помню.

Он пошатнулся. Тёплая пелена ударила в голову.

— Я видел Матвейку. Помнишь Андроников монастырь? Сын кузнеца Гаврилы... Он был здесь. И ангел в лазоревом плаще... У него такое доброе лицо, — торопился Андрей, пока память слушалась его.

Он провёл рукой по глазам, потёр виски, сился вспомнить ещё что-то.

— У кого доброе, у Матвейки? — вопрошал Даниил, плохо понимая сумбурный сон.

— Я буду работать сегодня, — продолжал Андрей, не слушая друга.

— Андрей, ты болен, ты сам не знаешь, как болен! — друг-чернец взял его за плечи и усадил на постель.

Даниил Чёрный был старше Рублёва, но выглядел крепче. Не будь он живописцем и монахом, служил бы ему ратником в дружине славного князя Василия Дмитриевича.

— Кисти, краски, — шептал Андрей. — Я видел лазоревый цвет.

Даниил покачал головой.

— Ложись, Андрей, ложись. Никуда не денутся краски. Я положу их здесь, рядом с тобой.

Андрей лежал жалкий, растерянный, слабый...

Тихий свет, струившийся из маленького окна, падал на подушку, высветляя заострившийся нос, бледные скулы, выщипанные, словно серебром покрывшие, волосы.

— Даниил, — прошептал из последних сил. — Умру, если не дашь красок.

Даниил медленно, как бы ожидая, что товарищ его передумает, поставил козлы, на них взгромоздил доску для иконы, рядом положил краски.

Андрей опёрся на руки, сел, осторожно спустил одну ногу: "Не надо я сам", — отстранил Даниила, затем пододвинул к ней вторую. Посидел немного, потом рывком поднялся и взял в руки кисть.

Он долго колдовал над красками, размешивая их с яичным желтком, потом несколькими сильными мазками обозначил в центре иконы лазоревое пятно и, не поддерживаемый более внутренними силами, рухнул бы на пол, если бы не два могучих чернеца, которые давно уже стояли у двери, привлечённые шумом, не решаясь войти. Они подхватили Андрея Рублёва под руки и осторожно уложили на полатах.

— Теперь я не забуду этот цвет... — всем показалось, это были последние слова.

Три дня отпаивали его монахи горячим настоем из мёда, первоцвета и душицы. На четвёртый — Андрей встал. И свершилось то, что теперь известно из Софиевской второй летописи. И нечего нам больше прибавить:

"Спешно они творили своё дело, словно провидели духом своё скорое преставление от жизни сей. Но Бог помогали окончить дело преподобного, и работали они усердно и росписями чудными украсили церковь: могут они и ныне удивить зрящих всех. Последнее своё рукоделие и память себе преподобные оставили".

ГОСТЬ РЕДАКЦИИ — ЖУРНАЛИСТ, ПИСАТЕЛЬ И ПУТЕШЕСТВЕННИК АЛЕКСАНДР ЮРЧЕНКО, НАШ ПОСТОЯННЫЙ АВТОР

— Александр, диапазон Ваших литературных интересов простирается от древних цивилизаций Ближнего Востока до европейского Средневековья. Зачем Вы забираетесь так далеко от наших дней? Ведь это, наверное, очень сложно — вникнуть в характер человека столь отдалённых эпох.

— Вы знаете, характер человека за последние четыре — пять тысяч лет практически не меняется. Те черты, которые были присущи древнему египтянину, ассирийцу, римлянину: зависть, жадность, равнодушие, бездельность, бесчестье, наглость и, с другой стороны, доброта, порядочность, скромность, честность, энергичность и решительность, — сохраняются в человеке и по сей день. Так что, повторюсь, описать характер, психологию человека не так трудно. Сложнее воссоздать бытовые и исторические условия среды, предметы, которые окружают его в том времени, в котором он жил. Изменились быт, религиозные верования, система материальных отношений, но не характер.

— А не проще было бы Вам, как писателю, повествовать о нашем времени, о животрепещущих проблемах сегодняшнего дня?

— Нет, я думаю, сложнее. Без знания истории человечества, человеческих отношений разных периодов трудно жить в настоящем времени, двигаться дальше. Легче, когда учишься на накопленном человеческом опыте. Тогда не совершаешь ошибок, которых можно избежать. Это касается и личных межличностных отношений, и войн.

— Можете привести примеры?

— Я написал книгу "Крепости и замки Сирийской эпохи крестовых походов", в которой рассказывал не только о фортификационных сооружениях, но и о событиях на сирийской земле во время походов европейцев на Ближний Восток в защиту Гроба Господня в XI — XIV веках. Если бы современные крестоносцы изучили по книгам историю кресто-

вых походов, то прекратили бы навязывание свободным государствам своей идеологии, причем с помощью военной силы, как делается, например, в Сирии, и поняли, что эту страну с богатой историей и традициями покорить силой невозможно.

— Кстати, у Вас две книги о Сирии. Чем они интересны для читателя?

— Прежде всего, интересна история их создания. В начале XX века бельгийский археолог Кюмон нашел на раскопках римской крепости Дура-Европос на берегу Евфрата в Сирии шит, на котором были нанесены все укрепления римлян по периметру Средиземного моря. Они защищали рубежи Римской империи и были связаны между собой военными дорогами, мощными булыжником. Меня заинтересовали эти военные транспортные коммуникации. Одна из дорог связывала эту крепость в Сирии с римскими крепостями на территории Украины: Тирой, Ольвией, Херсонесом. Я стал изучать историю Сирии, географические карты и настолько увлекся, что решил побывать в этой стране. Так родилась первая книга "Древние святыни Сирии. По стопам апостола Павла". Красота Сирии, ее история и исторические памятники произвели ошеломляющее впечатление. В книге я рассказываю о встречах с людьми, о поисках древностей, о христианских местах. Ведь эта страна является родиной христианства, там много древних церквей и монастырей, само слово "христиане" в первые прозвучало в сирийском городе Антиохия.

Готовясь написать вторую книгу "Крепости и замки Сирийской эпохи крестовых походов", я прошел по следам британского шпиона Лоуренса Аравийского, который в юности увлекся изучением сирийских крепостей. Этот рассказ стал первой частью книги. Потом нашел и посетил практически все крепости средневековой Сирии и описал их во второй части. Третья — посвящена истории крестовых походов.

— У Вас также вышла книга "Путеше-

ствие по Ливану. В поисках загадочной Финикии".

— Да, Финикия — это загадочная цивилизация. Финикийцы были первыми мореходами в мировой истории, останки их поселений разбросаны по всему побережью Средиземного моря. Поскольку свои плавания они осуществляли три тысячи лет назад, сохранилось очень мало. Я решил посетить все страны, где они вели свою деятельность. Это одна из тем серии "Древности Средиземноморья", которая выходит в киевском издательстве "Книгоноша".

Родина финикийцев — Ливан. С прибрежных городов-государств Тир, Сидон, Библос я начал свои поиски, а продолжил в горной части Ливана. Изучив исторические документы древних авторов, мифы и памятники архитектуры, пришел к выводу, что Финикия является родины европейской цивилизации. Сначала греки переняли финикийский алфавит, мифы, детали архитектуры, модель городской самоорганизации, потом поделились всем этим с Европой.

— Коль мы уже коснулись европейских дел, вопрос о Вашем романе "Федор Курицын. Повесть о Драккуле". Как Вы перешли от древних цивилизаций к этой теме? Оправдан ли подзаголовок "Исторические хроники конца XV века", или в книге есть вымышленные персонажи?

— Я начал писать этот роман задолго до восточных путешествий. Он строго основан на исторических документах, вымышленных персонажей в книге нет. История создания романа такова. 15 лет назад в Археологический музей в Одессе пришла бандероль из Америки. В ней были медаль с изображением Драккулы и письмо, в котором румынский медальер, живущий в Америке, рассказывал о Драккуле, представляя его не злодеем, а национальным героем. Заинтересовался сначала этим персонажем и начал писать о нем, потом выяснил, что в XV веке некто Федор Курицын написал повесть о Драккуле. Начав поиски, обнаружил сведения об авто-

ре весьма скудные, но очень интересные. Курицын был видной фигурой при дворе московского князя Ивана III. Он являлся главой дипломатической службы князя. Ездил во главе посольства в Венгрию и Литву, в Москве вел переговоры с посланцами императора Максимилиана, польского и венгерского королей, турецкого султана. Курицын намного опередил свое время. Он был поэтом, философом, первым светским писателем на Руси, его философский трактат о воле отличался свободомыслием. Поэтому церковь обвинила Курицына в ереси, и его имя было вычеркнуто из истории.

Мне повезло найти в архивах интересные документы, многие из которых до сих пор практически не были изучены. Действие происходит не только в Москве, но и в Германии, Австрии, Венгрии, Польше и Литве. Курицын помимо дипломатической службы пишет по ночам повесть о валашском государе по прозвищу Дракула, также руководит еретическим кружком. Все события происходят на фоне дворцовых интриг и военных действий Москвы и Литвы в борьбе за украинские земли.

— Александр, несколько слов о Вашем последнем романе.

— У него длинное название "Овидий. Письма к Августу. Письма, брошенные в грязную урну для грязного беля". Римский поэт Овидий, находясь в ссылке, пишет письма императору в надежде на освобождение. В романе показаны сложные взаимоотношения поэта и властителя. Это вечная тема.

— Александр, благодарю Вас за интересный рассказ. Последний вопрос. Где можно купить Ваши книги, можно ли прочитать что-нибудь в Интернете?

— Сейчас модно покупать в Интернет-магазинах. Книжки представлены практически во всех областях Украины. В Одессе продаются в магазине "Христианская книга" на поселке Котовского. В Интернете свободно можно прочесть несколько отрывков моего исторического романа.